

в России. Тем разительнее, с другой стороны, факт, что он, в отличие от Ломоносова, который открыто говорит о своих источниках,³⁵ нигде не признается в немецкой ориентации своей программы и даже в цитированном месте уделяет внимание только успеху реформы Опитца, а не ее сущности. Он предпочитает приводить другие образцы — в различных обстоятельствах он называет такие разнообразные источники, как русский фольклор,³⁶ классическую античность³⁷ и даже поэзию Хорватии.³⁸ Аналогичным образом Тредиаковский проявляет себя в 1766 г., когда он, вновь следуя немецкой традиции, изобретает в «Тилемахиде» русский гекзаметр:³⁹ в теоретическом объяснении, предвещающем публикацию, отсутствуют какие-либо

ского. Как основатель нового русского стиха он охотнее стал бы, вероятно, «русским Опитцем». См.: *Drage C. L. The Introduction of Russian Syllabo-Tonic Prosody // The Slavonic and East European Review. 1976. № 54. P. 493.* Однако в первую очередь он хотел следовать Петру I и прослыть основателем поэзии новой России. Как известно, притязания его не были удовлетворены; «отцом русской поэзии» и «Петром Великим русской литературы» вошел в сознание потомков не Тредиаковский, а Ломоносов. Ср.: *Reyffman I. Vasiliii Trediakovskiy: The Fool of the New Russian Literature. Stanford, California, 1990.*

³⁵ Рассматривая чередование рифм, Ломоносов пишет: «Российские стихи так же, кстати, красно и свойственно сочетаться могут, как и немецкие». Перед этим он порицает французских поэтов за то, что они пренебрегли немецким правилом разделять стих на стопы (*Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 15, 16.*)

³⁶ *Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению стихов российских // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 384.* Подобные ссылки находим и в других статьях Тредиаковского. Ср.: *Якобсон Р. О. Влияние народной словесности на Тредиаковского (1915) // Jakobson R. O. Selected Writings. The Hague; Paris, 1966. P. 613—633; Гуковский Г. А. Тредиаковский как теоретик литературы // XVIII век. Л., 1964. Сб. 6. С. 47, 55; Бомштейн Г. И. Тредиаковский-филолог и фольклор // XVIII век. Л., 1962. Сб. 5. С. 249—272.* На интересе Тредиаковского к фольклору основывает свою точку зрения Б. П. Гончаров, полемизируя с Р. Силбайорисом, с его «Introduction» (*Silbajoris R. Russian Versification: The Theories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir. New-York; London, 1968.*) Б. П. Гончаров ставит под сомнение значение иностранной модели для стиховой реформы Тредиаковского. (См.: *Гончаров Б. П. О реформе русского стихосложения в XVIII веке: (К проблеме ее национальных истоков) // Рус. литература. 1975. № 4. С. 52, 56.* Р. Силбайорис действительно недооценивает интерес Тредиаковского к русскому фольклору. Тем не менее ссылку Тредиаковского на русский народный стих как образец его реформы нельзя принимать за чистую монету. Тредиаковский хочет этим лишь указать на дистанцию между его новым стихом и стихом немецкого образца, подчеркивая тем самым его национальное своеобразие; об этом ниже. Под немецким влиянием находится, таким образом, не только его теория стиха, но и его понимание фольклора. В ритмическом богатстве народного стиха Тредиаковский находит те тенденции, которые близки его новому стиху. Это было возможно лишь в свете определенной теории. Имею в виду теорию о метрическом значении словесного ударения в новых языках, сформулированную в немецких поэтиках задолго до Опитца. Тредиаковский применяет эту теорию к русскому народному стиху, интерпретируя его ритм в духе немецкой силлабо-тоники, и игнорирует все явления ритма, которые такой интерпретации не поддаются.

³⁷ *Lettre d'un russe à un de ses amis, écrite au sujet de la nouvelle versification russe (1736) // Тредиаковский В. К. Собр. соч. С. 107.* Русский перевод см.: *Тредиаковский В. К. Стихотворения. С. 354—357.*

³⁸ *Тредиаковский В. К. О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избр. произведения. С. 442.*

³⁹ *Пумпянский Л. В. Тредиаковский. С. 229; Burgi R. A History of the Russian Hexameter. Hamden, Connecticut, 1954. P. 53.*